

ПОВТОР КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭЗИИ И. ХУГАЕВА

Т.А. Глотова

В статье рассматривается повтор как системный принцип организации поэтической структуры стихотворений Ирлана Хугаева. Повтор как реальия функционирующей языковой системы находится в центре внимания лингвистов, поскольку данное направление в исследовании позволяет рассматривать его в качестве средства усиления, актуализации и гармонизации структуры текста, а также дает возможность проанализировать художественное творчество и его составляющих, в данном случае повторов. Повтор становится важным фактором структурирования поэтического текста, организует мотивы, образы, формирует звенья семантико-стилистической системы автора. В процессе анализа поэтического творчества И. Хугаева в качестве универсального механизма текстообразования были выделены различные виды повторов, при помощи которых осуществляется текстовое развертывание и создаются условия для наиболее эффективного его воздействия на читателя.

Ключевые слова: повтор, механизм текстообразования, лирический субъект, языковые единицы, поэтическая парадигма.

The article considers repetition as a means of systemic organization in poetry of Irlan Khugaev. Being as feature of functioning language system, repetition remains in the centre of linguistics, where it is regarded as a means of arrangement and harmonization of text. Application of linguistic analysis to repetition allows considering it within the composition of narrative. Repetition represents an important factor in the structure of poetry, as it organizes the motifs and images in the poetic text and gives an insight on semantic and stylistic system employed by the author. Various types of repetition as the author's original principles of poetic arrangement were identified in the poem under analysis. Repetition in Khugaev's poems contributes to the development of the poetic text and makes it more appealing to the reader.

Keywords: repetition, mechanism of text formation, lyrical subject, language units, poetic paradigm.

Проблема повтора – универсального механизма построения поэтического текста – приобретает все большую актуальность и в последнее время находится в центре внимания лингвистов (И. В. Арнольд, Е. А. Иванчикова, А. Н. Кожин, З. П. Куликова, В. А. Лукин, А. М. Надеждин, Т. Г. Хазагеров, А. А. Чевтаев, Р. О. Якобсон и др.). Рассматривая повтор как одно из явлений функционирующей языковой системы, ученые исследуют его с разных позиций: как экспрессивно-стилистическое средство, как грамматическое средство, как нарушение языковой нормы, как средство усиления, актуализации, гармонизации структуры текста, как содержательную категорию, то есть на уровне функционирования по-

вторяющихся в тексте образов, символов, мотивов и ситуаций [1]. Анализируя повтор как системный принцип организации поэтической структуры, обеспечивающий архитектурное единство ее связей и отношений, Р. О. Якобсон справедливо замечает, что «картина отбора, распределения и соотношения различных морфологических классов и синтаксических конструкций способна изумить наблюдателя неожиданными, разительно симметричными построениями, искусными скоплениями эквивалентных форм и броскими контрастами» [2, 468]. Как бы продолжая мысль Якобсона, В. А. Лукин констатирует, что через воспроизведение «некоторых знаков», через «их соотношение в пределах целого

высказывания или отдельных его сегментов» создается определенный структурный каркас, образующий некое «семантическое единство» [3, 22].

Цель настоящей статьи – представить систему, разновидности и функционирование повторяющихся языковых единиц как универсальный механизм текстообразования в поэзии Ирлана Хугаева.

Повтор как механизм текстообразования, а также как принцип усиления, актуализации и гармонизации структуры текста является определяющим средством в поэзии Ирлана Хугаева. К сожалению, поэтическое творчество И. Хугаева [4], яркого, талантливого и самобытного поэта Северной Осетии, исследовано крайне мало [5]. Вместе с тем, одной из смысловых составляющих поэтической парадигмы Хугаева являются повторы. Специфика повторов, как известно, заключается в неоднократном воспроизведении одних и тех же языковых единиц в различных сегментах текста.

В анализируемых поэтических текстах Хугаева при описании типологии повторов определяющими оказались следующие характеристики повторяющихся языковых единиц [6]: регулярность их употребления, контактное или дистантное расположение, а также порядок их следования, принадлежность повторов к фонетической, словообразовательной, морфологической, лексико-семантической или синтаксической парадигме. Указанные разновидности языкового повтора с точки зрения равноуровневых средств его выражения являются ярким показателем идиостиля И. Хугаева.

Фонетический повтор в поэзии Хугаева можно охарактеризовать как изобразительно-выразительное, рифмо- и ритмообразующее средство. Аллитерация и ассонанс – наиболее распространенные виды звукового повтора в анализируемых текстах. С помощью аллитерации поэт, например, воссоздает определенный «музыкальный» звуковой фон падающей капли и звенящих весенних ручьев: *Ярче свет когда ничей / звон ничей и тем звончей / с крыши грохочут водопады / под окном гремит ручей* («Апрель. Капель», с. 37).

Однако в отличие от музыки в стихах не может быть чистого звукового фона, в поэтическом тексте он звуко-смысловой, поэтому аллитерация в поэзии Хугаева способствует значительному обогащению смысловой ткани всего стихотворения – в нем как и слова, так и звуки становятся значимыми. Интересно отметить, что практически каждое стихотворение поэта представляет собой взаимодействие фонетического повтора с повторами других уровней языка. В таком случае можно говорить о комбинированном, или «комплексном повторе» [6]. Например, в стихотворении «На кресте» (с. 232) используется сочетание контактного лексического повтора с фонетической анафорой: *Отче / Отче / Отчего?..* Аналогично использование звукового единоначатия и в другом стихотворении «Рифма» (с. 291): *Люд / Лют*. Фонетический повтор создает вокруг слов своеобразный ореол ассоциаций, а прием ассонанса в данных стихах наделяет конкретные звуки [о], [э], [у] функцией выражения определенного настроения: тревоги, сомнения, грусти.

К фонетическому повтору относится и рифма. Хотя рифма и не является обязательным атрибутом стиха, комплекс звуков, повторяющихся в разных строках стихотворного текста в одной и той же позиции, помогает не только ощутить интонационное членение речи, но и понять смысловую стержень стихотворения, объединенного повтором данного звукового комплекса. В поэзии Хугаева можно встретить разные типы рифм: точные рифмы (все звуки после ударного совпадают): *Враждуют издревле все отечества / Как прежде люди полны беспечности / Есть история человечества – / Нет истории человечности* («Человечество и человечность», с. 222); приближительные рифмы (отдельные звуки после ударного гласного не совпадают): *Смертные – божественно красивы / Не в паренье праздном знак и сила* («Смертные», с. 19); ассонансные рифмы (начиная с ударного, только гласные совпадают): *Заглохну, зачахну / от скуки и дремы; / Ни разу не ахну / На корень ядреный* («Все равно», с. 93); неравносложные рифмы: *И подлецом / Я*

стал *поэтом* / *И потому* / *Я стал поэтом* / («Причина», с. 42); составные рифмы (звуковой комплекс уместается в одном из слов, но выходит за пределы второго, рифмующегося с ним): *Проза Гатуева: / Ату, ату его!* («Дзахо», с. 224); каламбурные рифмы (повтор звуков одного слова охватывает несколько других слов): *У великих – / Жизнь и деятельность, / У безликих – / Жизнедеятельность* («Различие», с. 222); рифмы на основе языковой игры, например, с использованием омонимов: *Церковь – баня ваших душ / Духа ванная и душ* («Ничей», с. 134).

Повтор как универсальный принцип текстообразования в стихах Хугаева репрезентативно проявляется и на уровне словообразовательной парадигмы. С целью усиления, актуализации значения одной и той же морфемы поэт прибегает к повтору слов, одинаковых по морфемной или словообразовательной структуре. Например, стихотворение «Скука» (с. 225) строится посредством постоянного варьирования идентичных корневых знаков, создавая определенный семантический каркас поэтическому высказыванию: *Не скучай по мне: я скучен / Мненьем хил, сомненьем тучен / самомненьем удручен / я ученьем – лишь измучен / я мученьем лишь – учен* / Повтор здесь способствует переносу семантического акцента с внеположной лирическому субъекту реальности на его ментальное состояние усталости, мнительности, обреченности и скуки.

Своеобразие формообразующего повтора заключается в обыгрывании однокоренных компонентов грамматической оппозиции. Можно отметить полипоптом (многопадежие): *Любовь цветет, как тонкий хмель в крови. / Огонь любви – агония любви.* («Тонкий хмель», с. 7); повтор разных глагольных форм одного и того же глагола: *Жалеть себя – напрасный труд. / Себя жалея, пьют и мрут. / Ох, не во благо эта блажь. / Жалей других, себя – уважь.* («Блажь и благо», с. 227).

Для морфологического повтора характерно преобладание в тексте слова одной части речи, а также однокоренных слов разной частеречной принадлежности. В

стихотворениях Хугаева преобладает однокоренный повтор однокоренных существительных, прилагательных и глаголов. Повторы существительных и прилагательных в основном являются эмоционально-оценочными и носят усилительный, акцентный характер. Для глагольных повторов свойственно выражение интенсивности действия и его динамичности. Например, в стихотворении «Нет» (с. 74), говоря об угасшем чувстве любви лирического субъекта, поэт создает морфологический повтор из однокоренных существительных, глаголов и прилагательного: *Давай не будем о любви / Средь обжитых и добрых буден. / Зарежь меня иль отрави, – / Но о любви давай не будем. / Люби, что было и прошло. / Что будет – это дело прошлое. / Любить тебя – куда б ни шло, / Но быть любимым – это пошло* / В приведенном поэтическом тексте существительное *любовь* является лейтмотивом, доминантой, его дистантный повтор в четвертой строке осложняется оттенком актуализации и экспрессивности. Однокоренный глагол *люби* в пятой строке организует темпоральную сторону поэтического высказывания, затем инфинитив *любить* в седьмой строке позволяет выразить модальный смысл неизбежности, необходимости. Прилагательное *любимым* в последней строке стихотворения ставит последний эмоциональный штрих на чувствах лирического субъекта – он не нуждается в любви той, к которой чувства остыли, любовь обесценена, «*быть любимым – это пошло*».

Особый интерес в поэзии И. Хугаева представляют лексико-семантические повторы, которые усиливают семантические акценты повторяющихся лексем, актуализируют информативный центр поэтического высказывания и влияют на эмоциональный фон всего произведения. При этом следует иметь в виду, что лексические повторы находятся в неразрывной связи с фонетическими повторами, поскольку происходит повторение не только значений слов, но и их фонетического оформления.

Синонимы как один из видов лексико-семантического повтора в произведе-

ниях Хугаева, формируя смысловые парадигмы, способствуют созданию альтернативной номинации названного повтором лица, предмета, признака или действия. Например, в стихотворении «Бродяга» (с. 197) синонимы-повторы как реализаторы эквивалентности создают смысловую многоплановость облика лирического субъекта, актуализируют ту или иную его характеристику (*босьяк – стилияга – миляга – бродяга*) и становятся механизмом структурирования поэтического высказывания: *Ни отечества, ни отчества / У меня у босьяка;/ Ни друзей, ни одиночества,/ Только воля и тоска;/ Я по-своему стилияга,/ Я по-своему – миляга,/ Жизнь – бодяга,/ Я – бродяга,/ Пригубляющий слегка/.*

Антонимы, создающие повтор по принципу со-противопоставления, способствуют, например, изменению ситуации таким образом, что событийная референция из сферы частного случая смещается в сферу бытийной универсалии: *Когда глядишь на мир с торцов,/ С его задворок – сердцу ближе / Убогий полусумрак хижин,/ Чем блеск соборов и дворцов./ «Мир – хижинам, война – дворцам».../ Но – посмотреть на мир с изнанки – / Тому, кто сам построил храм,/ Вполне достаточно землянки./* («Творцы дворцов» (с. 215). Здесь лексико-семантический повтор на основе корреляции несовместимости (*соборы, дворцы, храм – задворки, хижины, землянки*) акцентирует конфликт между богатством и нищетой, между «творцами дворцов» и теми, кто в этих дворцах живет, между духовностью и потребительством. На первый план выходит ментальная направленность лирического высказывания, в котором основой становится осознание лирическим субъектом универсального закона человеческого существования: *Тому, кто сам построил храм, / Вполне достаточно землянки./*

На основе лексико-семантического повтора, созданного на антонимии, формируется антитеза – противопоставление двух высказываний: *Нет: смерти нет. Я вечен, вечен./ Я побеждаю смерть, как срам./ Я умираю каждый вечер –/ И воскресаю по утрам./* («Вечер и утро», с. 44). Повтор,

основанный на антитезе, – распространенный вид лексико-семантического повтора в поэзии И. Хугаева. Он усиливает воздействующую функцию поэтических строк, актуализирует эмоциональный акцент текста. Со-противопоставление в антитезных высказываниях создается поэтом употреблением слов-антонимов, личных местоимений, словами «да» и «нет», словами с отрицательными частицами и т.п.: *Между будущим и прошлым / Сплошь истоптаны меж;/ Меж изысканным и пошлым,/ Между истины и лжи/* («Умер великий Пан», с. 84); *Не в паренье праздном знак и сила,/ А в паденьи капли дождевой/* («Смертные», с. 19); *«Я» не живет / Без веселого «Ты» / «Я» лишь живот / Без души и мечты /* («Морфология любви», с. 23); *Я за то, чего нет, отдам / Все, что было, и все, что есть:/ Неизбежно Потом и Там,/ Скоротечно Теперь и Здесь/* («Там и Потом», с. 70). Зачастую в стихах Хугаева повтор, основанный на антитезе, совмещается с разными видами повторов. Например, в стихотворении «Неравнобедренный треугольник» можно выделить анафору, антитезу, параллелизм, звуковой повтор: *Пусть другой подарит тебе цветы./ Пусть другой тебя поведет в кино./ Ты со мной на «вы», я с тобой на «ты»./ Между вами «и», между нами «но»./ Между вами «да», между нами «нет»;/ Между вами, может быть, только миг, – /Между нами, кажется, двадцать лет./ Между нами тысяча умных книг./ Семь чудес меж нами и семь грехов./ Семь моих смертельно любимых вин;/ Между нами адова тьма стихов./ А теперь, как видишь, еще один.../ Между вами бог, между нами бес./ Между вами дух, между нами плоть;/ Я всегда один – и с тобой, и без./ Ты всегда со мной, без меня ты хоть./ Как с тобою быть или без тебя?/ Что сказать любя или не любя?..* Как можно заметить, антонимические пары *вы – ты, и – но, вами – нами, миг – двадцать лет, чудеса – грехи, адова тьма стихов – один, дух – плоть, бог – бес, с тобой – без тебя, любя – не любя*; анафоры *пусть, между нами, между вами, семь*, параллельные конструкции связаны с бинарной оппозицией персонажей любовно-

го треугольника, образуя симметричные построения и упорядочивая композиционную структуру стихотворения. Они заставляют читателя возвращаться к ранее декодированному сегменту текста и сопоставлять его с сегментом, декодируемым в данный момент. Внутренние границы душевного состояния лирического субъекта как бы размываются, что способствует возникновению у него целой гаммы контрастных чувств: смятения и жертвенности, утраты и обретения в любви.

Синтаксический повтор представляет собой один из продуктивных стилистических приемов в поэзии Хугаева. В основе собственно синтаксического повтора лежит синтаксический параллелизм, то есть повторение той или иной синтаксической структуры предложения или словосочетания. Однако, говоря о повторе на уровне синтаксической парадигмы, следует иметь в виду, что такой повтор неразрывно связан с лексическим повтором, поскольку при этом в рамках определенной синтаксической структуры происходит частичное или полное повторение ее лексического содержания. В поэзии Хугаева такие регулятивные структуры основаны на стилистическом приеме параллелизма и располагаются контактно или дистантно. Поскольку лексическое содержание повторяющихся синтаксических структур может быть как полным, так и частичным, выделяют полный и неполный параллелизм [7, 13]. Например, в стихотворении «Натюрморт» (с. 135) лексическая анафора при контактном неполном параллелизме актуализирует повторяющуюся синтаксическую конструкцию *ты любишь*, привлекает внимание читателя к определенному фрагменту текста и в качестве семантического центра обуславливает словесное развитие образа лирического субъекта – конкретизацию его увлечений, привычек, желаний: *Ты любишь шелк и каблук, / Ты любишь танцевать. / Ты любишь наспех. Ты чулки / швыряешь под кровать... / Ты любишь золото, агат... /*

Нередко в поэзии Хугаева функцию анафоры при синтаксическом паралле-

лизме выполняет полисиндетон – повтор служебных слов, например, предлогов или частиц, который имеет локальный акцентирующий характер: *От протеста до мятежа, / От пощечины до ножа, / От иллюзии до виденья, / От бессонниц твоих до бденья – / Долгий путь* («Воспитание», с. 133); *Так изящна, так красива, / Так убийственно жива; / Так отчаянно счастлива, / Так всегда во всем права* («Порода. Дифирамб», с. 90-91). Как можно заметить, текстообразующая функция полисиндетона усилена и приемом градации. Члены градации *протест – мятеж, пощечина – нож, иллюзия – виденье, бессонница – бденье* (в первом стихотворении), *изящна – красива – убийственно жива – отчаянно счастлива* (во втором стихотворении), расположенные в порядке возрастающего значения, образуют постепенное развертывание тематических образов и отражают основные интенции автора.

В зависимости от вида используемой анафоры различны и анафорические композиции в поэзии Хугаева. Помимо рассмотренных ранее фонетической анафоры, морфемной, лексической представляет интерес анафора синтаксическая. Например, в стихотворении «Человек» (с. 26) риторический вопрос «Кто я?» является одновременно и строфико-синтаксической анафорой: *Кто я?.. Случайный посетитель ваш, / Суровых тайн нехоженые тропы, / Зажав в руке нещерный карандаш, / Рисую профиль антилопы... Кто я?.. Тоска моя жива, нова; / Молчат кумиров бронзовые лица. / Но целый мир я заключил в слова, / И миру от меня уже не скрыться... Кто я?.. Я одомашнил дикий знак, / И женщина моя печет лепешки. / Богам я посвящаю дым и smak, / С тоской бросаю птицам крошки... Кто я?.. Тоска моя права, жива, / Но женщины моей глаза прекрасны. / И я придумал говорить «жена», / И это слово было ясно... Кто я такой?.. Я вышел из зверей: / Ловчей зверья парю над небосводом, / Хожу по суше, плаваю по водам, – / Но и тоска моя еще живей. / Как видим, анафорический риторический вопрос создает не только эмфатическую интонацию, но и делает читателя*

участником внутреннего монолога лирического субъекта. Читатель вовлекается в философское рассуждение о человеке, его предназначении, мировосприятии. Риторический вопрос как элемент структуры органического текста оказывается весьма значимым и в плане текстового развертывания, и в аспекте смыслового восприятия его читателем.

Местоположение повторяющейся синтаксической единицы в сегменте поэтического текста может быть различным, что создает разнообразные структурно-стилистические виды повторов: стык, симплока, кольцевой повтор, которые часто встречаются в поэзии И. Хугаева. Такие повторы всегда способствуют ритмизации речи и выполняют усилительно-выделительную функцию. При стыке (анадиплосисе) происходит удвоение конца одной синтаксической конструкции за счет повторения его в начале смежной с ним структуры: *Я целовал **цветок в уста** / **Цветок в уста** / По капле пил **росу с листа** / **Росу с листа*** («Цветок», с. 134). Симплока предполагает разные начало и конец синтаксической структуры при одинаковой середине: *Мои стихи **сполна** / **понятны только мне**, / И только мне **сполна** чужды и непонятны* («Автор», с. 198-199); *Счастлив, кто **владеет** кладом – / **Проклят, кем владеет** клад* («Вор», с. 96-97). Как можно заметить, репризный рисунок при симплоке имеет свои особенности: к повторяющимся ключевым словам *сполна* в первом отрывке и *владеет* во втором вводятся разные уточняющие и дополняющие лексемы; эти новые лексемы – слова с противоположной семантикой: *понятны – чужды, непонятны; счастлив – проклят*. В первом примере можно наблюдать также сочетание симплоки с хиазмом, для которого характерна перестановка компонентов повторяющейся окольцовывающей конструкции. При симплоке, таким образом, происходит информативное преобразование синтаксических структур – соединение контрастных признаков, их конкретизация и актуализация, многоплановость образов.

Кольцевой повтор (колюр) – один из эффектных видов повтора в поэзии Хугаева. При кольцевом повторе в конце поэтического текста повторяется какой-либо компонент его начала. Иногда поэт использует кольцевой повтор в неизменном виде, как, например, в стихотворении «Дочки-матери» (с. 168-169). Строки *Тишина вокруг меня / Крик внутри меня / Ты любила ли меня? / Ты простишь меня?* в неизменном виде повторяются в конце стихотворения. Однако чаще всего Хугаев каким-либо образом модифицирует окольцовывающую конструкцию – он заменяет какие-то ее компоненты. Ср., например, начало и концовку стихотворения «Прости. Караоке» (с. 52-53). Начальные строки: *Прости;/ Поверь;/ Покой всего дороже;/ А путь/ Она/ Сен, страшен; отреши;/ **В моих/ Краях** – / **Туман и бездорожье,** / **И ни / Одной / Окрест живой души***. Концовка: *Забудь / Меня;/ Такой тебе не нужен;/ Заблудишь/ И пропадешь в глуши;/ **В степях моей души** – / **Распутица и стужа,** / **И ни / Одной / Окрест живой души***. Модифицированный вариант колюра в конце стихотворения метафорически развертывается на фоне эмотивной и экспрессивной функции, выделяется как яркое выразительное средство, передающее эмоциональное переживание лирического субъекта – его чувство одиночества, утраты и опустошенности.

Подача окольцовывающей конструкции может сопровождаться также и изменением только ее пунктуационного рисунка: ***Глаза другого цвета, – / И платье – и глаза**; / Да в кружеве манжета / Не бисер, а слеза. / Не плачь: несчастны оба; / Тебя несчастней я: / Любить тебя до гроба / Я мог бы, да нельзя. / В степях души другая, / Как призрак, неспроста, / И грудь ее тугая, / И бедра, и уста. / Но главная примета, / Знаменье и гроза – / **Глаза: другого цвета – И платье, и глаза***. («Глаза другого цвета», с. 181). Пунктуация модифицирует и рематическое членение кольцевого повтора, что в свою очередь меняет его интонационную окрашенность. В первой структуре – *Глаза другого цвета, – / И платье – и глаза* – тире при перечислении усиливает рематиче-

скую составляющую поэтического высказывания, придавая интонации выделительный, акцентирующий оттенок. Во второй структуре *Глаза: другого цвета – И платье, и глаза* введенное двоеточие меняет акценты: рематический центр высказывания переносится в первую часть, интонационно выделяется лексема *глаза*, затем после каузальной паузы следует раскрытие, пояснение интенции лирического субъекта. Перед тире – небольшая пауза, и затем следует перечислительная интонация без особых акцентных штрихов.

Таким образом, в поэтических текстах Ирлана Хугаева повтор является универ-

сальным принципом тексто- и стилеобразования, служит усиливающим средством для выделения концептуально важных понятий поэта. Повтор в поэзии И. Хугаева является разноуровневым (были выделены повторы на уровне фонетической, словообразовательной, морфологической, лексико-семантической или синтаксической парадигм) и многофункциональным: кроме постоянных функций актуализации и усиления семантики ключевого понятия или всего высказывания можно выделить образительно-выразительную (экспрессивную), ритмо- и рифмообразующую, композиционную, смыслообразующую функции.

1. Надеждин А. М. Корневой повтор в художественной речи М. И. Цветаевой: Дисс.... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

2. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. Семиотика. М., 1983. С. 462-483.

3. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.

4. Хугаев И. С. Вериги воли: книга стихов и стихий. Владикавказ, 2013.

5. Глотова Т. А. Вербальные средства эмоционального воздействия в поэзии Ирлана Хугаева // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VIII Междунар. науч. – практ. конф. (Чебоксары, 8 мая 2016 г.). В 2 т. / Редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2016. Т. 2. № 2 (8). С. 85-93.

6. Куликова З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке: Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007.

7. Бочкарева Ю. Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М. Цветаевой: Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Томск, 2004.